

Иван Саввич Никитин (1824-1861)

Новый Завет

Измученный жизнью суровой
Не раз я в себе находил
В глаголах предвечного Слова
Источник покоя и сил.
Как дышат святые их звуки
Божественным чувством любви,
И сердца тревожного муки
Как скоро смирятся они!...
Здесь все в чудно сжатой картине
Представлено Духом Святым:
И мир, существующий ныне,
И Бог, управляющий им
И сущего в мире значенье,
Причина, и цель, и конец,
И вечного Сына Рожденье,
И Крест, и терновый венец.
Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши,
И плакать, и черпать уроки
Из них, для ума и души!

1853

Молитва дитяти

Молись, дитя! Сомненья камень
Твоей души не тяготит.
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовью горит.
Молись, дитя! Тебе внимает
Творец бесчисленных миров,
И капли слез твоих считает,
И отвечать тебе готов.
Быть может. Ангел твой Хранитель
Все эти слезы соберет.
И их в надзвездную обитель
К престолу Бога вознесет.
Молись, дитя! Мужай с летами
И, дай Бог, в пору зрелых лет
Таковыми ж светлыми очами
Тебе глядеть на Божий свет.
Но, если жизнь тебя измучит,
И ум и сердце возмутит,
Но, если жизнь роптать научит,
Любовь и веру погасит, -
Приникни с жаркими слезами,

Креста подножье обними:
Ты примиришься с Небесами,
С самим собою и людьми.
И вновь тогда из райской сени
Хранитель Ангел твой сойдет,
И за тебя склонив колени,
Молитву Богу вознесет.

Молитва

О Боже! дай мне воли силу,
Ума сомнение умертви, -
И я сойду во мрак могилы
При свете веры и любви.
Мне сладко под твоей грозой
!Терпеть, и плакать, и страдать;
Молю: оставь одну со мною
Твою святую благодать.

1851

* * *

Вечер ясен и тих;
Спят в тумане поля;
В голубых небесах
Ярко пышет заря.

Золотых облаков
Разноцветный узор
Накрывает леса,
Как волшебный ковер;

Вот пахнул ветерок,
Зашептал в тростнике;
Вот и месяц взошел
И глядится в реке.

Что за чудная ночь!
Что за тени и блеск!
Как душе говорит
Волн задумчивый плеск!

Может быть, - в этот час
Сонмы светлых духов
Гимны неба поют
Богу дивных миров.

1851

Моление о чаше

*И, прешед мало, паде на лице
своем, моляся и глаголя: Отче мой,
аще возможно есть, да мимо идет
от Мене чаша сия: обаче не яко же
Аз хочу, но яко же Ты.*

Ев. Матф. гл. XXVI, ст. 39 - 47

День ясный тихо догорает;
Чист неба купол голубой;
Весь запад в золоте сияет
Над Иудейскою землей.

Спокойно высясь над полями,
Закатом солнца освещен,
Стоит высокий Елеон
С благоуханными садами.

И, полный блеска, перед ним,
Народа шумом оживленный,
Лежит святой Ерусалим,
Стеною твердой окруженный.

Вдали Гевал и Гаризим,
К востоку воды Иордана
С роскошной зеленью долин
Рисуются в волнах тумана,
И моря Мертвого краса

Сквозь сон глядит на небеса,
А там, на западе, далеко,
Лазурных Средиземных воли
Разлив могучий огражден
Песчаным берегом широко...

Темнеет... всюду тишина...
Вот ночи вспыхнули светила, -
И ярко полная луна
Сад Гефсиманский озарила.

В траве, под ветвями олив,
Сыны божественного слова,
Ерусалима шум забыв,
Спят три апостола Христовы.

Их сон спокоен и глубок;
Но тяжело спал мир суровый:
Веков наследственный порок
Его замкнул в свои оковы,

Проклятье праотца на нем
Пятном бесславия лежало
И с каждым веком новым злом
Его, как язва, поражало...

Но час свободы наступал -
И, чуждый общему позору,
Посланник Бога, в эту пору,
Судьбу всемирную решал.

За слово истины высокой
Голгофский крест предвидел Он.
И, чувством скорби возмущен,
Отцу молился одиноко:

«Ты знаешь, Отче, скорбь Мою
И видишь, как Твой Сын страдает,
- О, подкрепи Меня, молю,
Моя душа изнемогает!

День казни близок: он придет, -
На жертву отданный народу,
Твой Сын безропотно умрет,
Умрет за общую свободу...»¹

Проклятьем черни поражен,
Измученный и обнаженный,
Перед толпой поникнет он
Своей главой окровавленной.

И те, которым со креста
Пошлет Он дар благословенья,
С улыбкой гордого презренья
Поднимут руки на Христа...

О, да минует чаша эта,
Мой отче, Сына Твоего
Мне горько видеть злобу света
За искупление его!

Но не Моя да будет воля,
Да будет так, как хочешь Ты!
Тобой назначенная доля
Есть дело вечной правоты.

И если твоему народу
Позор мой благо принесет,
Пускай за общую свободу
Сын человеческий умрет!»

¹ Посл. Ап. Павла к Римлянам, гл. VIII, ст. 21; к Галатам, гл. V, ст. 1 и 13 (Примеч. И. Никитина).

Молитву кончав, скорби полный,
К ученикам он подошел
И, увидав их сон спокойный,
Сказал им: «Встаньте, час пришел!

Оставьте сон свой и молитесь,
Чтоб в искушенье вам не впасть,
Тогда вы в вере укрепитесь
И с верой встретите напасть».

Сказал - и тихо удалился
Туда, где прежде плакал он,
И, той же скорбью возмущен,
На землю пал он и молился:

«Ты, Отче, в мир Меня послал,
Но Сына мир твой не приемлет:
Ему любовь я возвещал -
Моим глаголам он не внимлет;

Я был врачом его больным,
Я за врагов Моих молился -
И надо мной Ерусалим,
Как над обманщиком, глумился!

Народу мир Я завещал -
Народ судом мне угрожает,
Я в мире мертвых воскрешал -
И мир мне крест приготавлиет!..

О, если можно, от меня
Да мимо идет чаша эта!
Ты Бог любви, начало света,
И все возможно для Тебя!

Но если кровь нужна святая,
Чтоб землю с небом примирить, -
Твой вечный суд благословляя,
На крест готов я восходить!»

И взор в тоске невыразимой
С небес на землю Он низвел,
И снова, скорбию томимый,
К ученикам он подошел.

Но их смежавшиеся очи
Невольный сон отягощал;
Великой тайны этой ночи
Их бедный ум не постигал.

И стал Он молча, полный муки,
Чело высокое склонил
И на груди святые руки
В изнеможении сложил.

Что думал он в минуты эти,
Как человек и Божий Сын,
Подъявший грех тысячелетий, -
То знал Отец Его один.

Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
В его груди была тогда,

И люди, верно б, не поняли,
Весь грешный мир наш не постиг
Тех слез, которые сияли
В очах Спасителя в тот миг.

И вот опять он удалился
Под сень смоковниц и олив,
И там, колени преклонив,
Опять он плакал и молился:

«О Боже мой! Мне тяжело!
Мой ум, колебляся, темнеет;
Все человеческое зло
На мне едином тяготееет.

Позор людской, позор веков, -
Всё на себя Я принимаю,
Но сам под тяжестью оков,
Как человек, изнемогаю...

О, не оставь Меня в борьбе
С моею плотию земною, -
И все угодное Тебе
Тогда да будет надо Мною!

Молюсь: да снидет на Меня
Святая сила укрепления!
Да совершу с любовью Я
Великий подвиг примиренья!»

И руки к небу Он подъял,
И весь в молитву превратился;
Огонь лицо Его сжигал,
Кровавый пот по Нем струился.

И вдруг с безоблачных небес,
Лучами света окруженный,
Явился в сад уединенный
Глашатай Божиих чудес¹.

Был чуден взор его прекрасный
И безмятежно и светло
Одушевленное чело,
И лик сиял, как полдень ясный;

И близ Спасителя он стал
И речью, свыше вдохновенной,
Освободителя вселенной
На славный подвиг укреплял;

И сам подобный легкой тени,
Но полный благодатных сил,
Свои воздушные колени
С молитвой пламенной склонил.

Вокруг молчало все глубоко;
Была на небе тишина, -
Лишь в царстве мрака одиноко
Страдал бесплодно сатана.

Он знал, что в мире колебался
Его владычества кумир
И что бесславно падший мир
К свободе новой приближался.

Виновник зла, он понимал,
Кто был Мессия воплощенный²,
О чем Отца Он умолял,
И, страшной мукой подавленный,
Дух гордый молча изнывал,
Бессильной злобой сокрушенный...

Спокойно в выси голубой
Светил блистали мириады,
И полон сладостной прохлады
Был чистый воздух. Над землей,

Поднявшись тихо, небожитель
Летел к надзвездным высотам, -
Меж тем всемирный Искупитель
Опять пришел к ученикам.

¹ Ев. Луки, гл. XXII, ст. 43 (Примеч. И. Никитина)

² Ев. Матфея, гл. VIII, ст. 29; Марка, гл. V, ст. 7; Луки, гл. IV, ст. 34 «Воскресное чтение», 1840, № 45. Испытание Иисуса Христа от диавола. (Примеч. Никитина.)

И в это чудное мгновенье
Как был Он истинно велик,
Каким огнем одушевленья
Горел Его прекрасный лик!

Как ярко отражали очи
Всю волю твердую Его
Как радостно светила ночи
С высот глядели на Него!

Ученики, как прежде, спали,
И вновь Спаситель им сказал:
«Вставайте, близок день печали
И час предательства настал...»

И звук мечей остроконечных
Сад Гефсиманский пробудил,
И отблеск факелов зловещих
Лицо Иуды осветил.

7 января 1854

Примечания. Гевал (ныне Емадед-дин) и Гаризим (ныне Шах-Гаден) близ Сихема, в колене Ефремовом, на север от Ерусалима в 52 верстах. Шесть колен Израилевых на первой произносили проклятия, а другие шесть на второй - благословения, заповеданные Моисеем (Священная церковная география В.П.Полякова, изд. второе, 1848). ...моря Мёртвого краса... вода Мёртвого моря светла и прозрачна, но чрезвычайно горька, как в наших солончаках. Самая большая длина его простирается на 91 версту, ширина на 25. (Примеч. Никитина.)

Сладость молитвы

Бывают минуты, - тоскою убитый,
На ложе до утра без сна я сижу,
И нет на устах моих теплой молитвы,
И с грустью на образ святой я гляжу.

Вокруг меня в комнате тихо, безмолвно...
Лампада в углу одиноко горит,
И кажется мне, что святая икона
Мне в очи с укором и строго глядит.

И дума за думой на ум мне приходит,
И жар непонятный по жилам течет,
И сердце отрады ни в чем не находит,
И волос от тайного страха встает.

И вспомню тогда я тревогу желаний,
И жгучие слезы тяжелых утрат,
Неверность надежды и горечь страданий,
И скрытый под маской глубокий разврат,

Всю бедность и суетность нашего века,
Все мелочи жалких ничтожных забот,
Все зло в этом мире, всю скорбь человека,
И грозную вечность, и с жизнью расчет;

И вспомню я крест на Голгофе позорной,
Облитого кровью страдальца на нем,
При шуме и кликах насмешки народной
Поникшего тихо покорным челом...

И страшно мне станет от этих видений,
И с ложа невольно тогда я сойду,
Склоню пред иконой святою колени
И с жаркой молитвою ниц упаду.

И мнится мне, слышу я шепот невнятный,
И кто-то со мной в полумраке стоит;
Быть может, незримо, в тот миг благодатный,
Мой ангел-хранитель молитву творят.

И в душу прольется мне светлая радость,
И смело на образ тогда я взгляну,
И, чувствуя в сердце какую-то сладость.
На ложе я лягу и крепко засну.

С. В. Чистяковой

*Да не смущается сердце ваше,
веруйте в Бога...
Ев. Иоанна, гл. XIV, ст. 1.*

Тяжел ваш крест!.. Что было с вами
В глуши безлюдной и степной.
Когда у вас перед глазами,
На рыхлом снеге, сын родной,
Назад минуту жизни полный,
Как цвет, подрезанный косой,
Лежал недвижимый и немой,
Мгновенной смертью пораженный?
Когда любимое дитя
Вы к жизни воплем призывали
И безответные уста
Своим дыханьем согревали?..
Тяжел ваш крест и ваша чаша
Горька! Но жив господь всего:
Да не смутится сердце ваше,
Молитесь, веруйте в него!
Слеза ль падет у вас - он знает
Число всех капель дождевых
И ваши слезы сосчитает,
Оценит каждую из них.

Он весь любовь, и жизнь, и сила,
С ним благо всё, с ним свет во тьме!..
И, наконец, скажите мне,
Ужели так страшна могила?
Что лучше: раньше умереть
Или страдать и сокрушаться,
Глядеть на зло, и зло терпеть,
И веровать, и сомневаться?
Утраты, нужды испытать,
Прочесть весь свиток жизни горькой,
Чтоб у дверей могилы только
Их смысл таинственный понять?
Блажен, кто к вечному покою
Не испытал житейских волн,
Причалил рано утлый челн,
Хранимый высшею рукою!
Кто знает? Может быть, в тот час,
Когда в тиши, в тоске глубокой,
Вы на молитве одинокой
Стоите долго, - подле вас
Ваш сын, теперь жилец небесный,
Стоит, как ангел бестелесный,
И слышит вас и, может быть
За вас молитвы он творит;
Иль в хоре ангелов летает,
И - чуждый всех земных забот -
И славу бога созерцает,
И гимны райские поет!
К чему же плач? Настанет время,
Когда в надзвездной стороне
За все свое земное бремя
Вознаградитесь вы вполне.
Там, окруженный неба светом,
Сын радость с вами разделит
И, по разлуке в мире этом,
Вас вечность с ним соединит.

25 апреля 1854

Перемена

Была пора невинности счастливой,
Когда твой ум тревожный и пытливый
Я примирял с действительностью злой
Святых молитв горячею слезой;
Когда, дитя беспечное свободы,
В знакомых мне явлениях природы
Величие и мысль я находил
И жизнь мою, как дар небес, любил.
Теперь не то: сомнением томимый,
Я потерял свой мир невозмутимый -

Единую отраду бытия,
И жизнь моя не радует меня...
Бывают дни: измученный борьбою,
В тиши ночной, с горячею мольбою
Склоняюсь я к подножию креста;
Слова молитв твердят мои уста,
Но сердце тем словам не отвечает,
И мысль моя бог знает где блуждает,
И сладких слез давно минувших лет
Ни на лице, ни на глазах уж нет.
Так, холодом темницы окруженный,
Скорбит порой преступник сужденный
И к прежним дням уносится мечтой
От горечи сущности злой,
Но бедняку лишь новое страданье
Приносит лет былых воспоминанье.

1849

Ночь на берегу моря

В зеркало влаги холодной
Месяц спокойно глядит
И над землею безмолвной
Тихо плывет и горит.

Легкою дымкой тумана
Ясный одет небосклон;
Светлая грудь океана
Дышит как будто сквозь сон.

Медленно, ровно качаясь,
В гавани спят корабли;
Берег, в воде отражаясь,
Смутно мелькает вдали.

Смолкла дневная тревога...
Полный торжественных дум,
Видит присутствие Бога
В этом молчании ум.

1850

Кладбище

Как часто я с глубокой думой
Вокруг могил один брожу
И на курганы их гляжу
С тоской тяжелой и угрюмой.
Как больно мне, когда, порой,
Могильщик, грубою рукой
Гроб новый в землю опускает,

Стоит с ослабленным лицом
Над безответным мертвецом,
Святыню смерти оскорбляя.
Или когда в траве густой,
Остаток жалкий разрушенья,
Вдруг череп я найду сухой,
Престол ума и вдохновенья,
Лишенный чести погребенья.
И поражен, и недвижим,
Сомненья холодом облитый
Я мыслю, скорбию томим,
Над жертвой тления забытой:
Кто вас в сон вечный погрузил,
Земли неведомые гости,
И ваши брошенные кости
С живую плотью разлучил?
Как ваше вечное молчанье
Нам безошибочно понять:
Ничтожества ль оно печать,
Или печать существованья?
В какой загадочной стране,
Невидимой и неизвестной,
Здесь кости положив одне,
Витает дух ваш бестелесный?
Чем занят он в миру ином?
Что он, бесстрастный, созерцает?
И помнит ли он о земном,
Иль все за гробом забывает?
Быть может, небом окружен,
Жилец божественного света,
Как на песчинку смотрит он
На нашу бедную планету;
Иль, может быть, сложив с себя
Свои телесные оковы,
Без них другого бытия
Не отыскал он в мире новом.
Быть может, все, чем мы живем,
Чем ум и сердце утешаем,
Земле на жертву отдаем
И в ней одной похороняем...
Нет! прочь бесплодное сомненье!
Я верю истине святой -
Святым глаголам откровенья
О нашей жизни неземной.
И сладко мне в часы страданья
Припоминать порой в тиши
Загробное существованье
Неумирающей души.

Вечность

О грозная вечность,
Безмолвная вечность!
Какую ты скрыла
Великую тайну
За крепкой печатью -
За дверью могилы?
Что ты? Не одно ли
Ничтожное слово,
Пустая угроза
Толпы малодушной,
Дитя предрассудков,
Обманчивый призрак?..
Или ты граница
Обширной Вселенной,
Развязка явлений,
Уму непонятных,
Тяжелых для сердца,
И жизни прекрасной,
Разумно-духовной,
Сомнения чуждой, -
Священный источник?
О грозная вечность,
Безмолвная вечность!
Крепка твоя тайна;
Но разум мой верит,
Что ты существуешь:
Отрадно мне думать,
Что дух мой бессмертный
Есть вечный наследник
Бесплотного царства;
Что будет он видеть
Веков миллионы,
Миров разрушенье
И, может быть, новых
Прекрасных творений
Конец и начало;
И будет, как прежде,
Идти к совершенству,
Всегда оставаясь
Разумно-свободным.

Между 1849 и 1853

Небо

С глубокою думой
Гляжу я на небо,
Где, в темной лазури,
Так ярко сверкают

Планет мириады.
Чья мощная сила
Вращает их чудно
В таинственной сфере?
Когда и откуда
Тела их начало
Свое получили?
Какие в составе
Их тел неизвестных
Основую жизни
Положены части?
Какое имеют
Они назначенье
И кто бытия их
Всесильный виновник?
Уж много минуло
Суровых столетий;
Как легкие тени,
Исчезли народы,
Но так же, как прежде,
Прекрасна природа,
И нету песчинки,
Нет капли ничтожной,
Ненужной в системе
Всего мирозданья;
В ней всё служит к цели,
Для нас непонятной...
И пусть остается
Во мраке глубоком
Великая тайна
Начала творений;
Не ясно ль я вижу
Печать дивной силы
На всем, что доступно
Уму человека
И что существует
Так долго и стройно,
Всегда совершая
Процесс своей жизни
По общему смыслу
Законов природы;
И как мне поверить
Иль даже подумать,
Чтоб случай бессильный
Был первой причиной
Начала, законов
Движенья и жизни
Обширной Вселенной?

Между 1849 и 1853

Жизнь и смерть

Невидимой цепью
Жизнь связана тесно
С таинственной смертью.
И в самом начале
Зародыша жизни
Скрыта возможность
Его разрушенья,
И в жалких остатках
Ничтожного праха
Таятся начала
Для будущей жизни...
Так годы проходят
И целые веки,
И всё поглощает
Могущество смерти,
Всегда оставаясь
Источником жизни;
И так существует
Доселе природа,
Служа колыбелью
И вместе могилой.

1853

* * *

О, сколько раз я проклинал
Позор слепого заблужденья
И о самом себе рыдал
В часы молитв и размышленья!
И как бы я благословил
В ту пору неба гром неожиданный,
Когда бы этот гость желанный
Надменный ум мой поразил!..
Но миг святой прошёл - и снова
Страстям, как прежде, я служу.
И на позор их и оковы,
Как на свободу, я гляжу.
Так, влажный воздух рассекая,
Меж облаков, во тьме ночной,
Блестит молния порой,
Мгновенно небо освещая.

1853

Успокоение

О, ум мой холодный!
Зачем, уклоняясь
От кроткого света
Божественной веры,

Ты гордо блуждаешь
Во мраке сомненья?
Ответь, если можешь:
Кто дал тебе силу
Разумной свободы
И к истинам вечным
Любовь и влечение?
Кто плотью животной
Покрыл мне так чудно
Скелет обнажённый,
Наполнил все жилы
Горячею кровью,
Дал каждому нерву
Своё назначенье
И сердце заставил
Впервые забиться
Дотоль ему чуждой,
Неведомой жизнью?
Кто дал тебе средство
Через малую точку
Подвижного ока
Усваивать знанье
О видимом мире?
И как назовёшь ты
Тот дух в человеке,
Который стремится
За грани земного,
С сознаньем свободы
И сильным желаньем
Познаний и блага?
Который владеет
Порывами сердца,
Один торжествует
В страданиях тела,
Законы природы
Себе подчиняя?..
Кто дал это свойство
Цветущей природе, -
Что в ней разрушенье
Единого тела
Бывает началом
Для жизни другого?
Кто этот Художник,
Рукой всемогущей
В цветке заключивший
Целебную силу,
И яд смертоносный,
И яркие краски,
И тени, и запах?..
Смирись же и веруй,
О, ум мой надменный:
Законы вселенной,

И смерть, и рожденье
Живущего в мире,
И мощная воля
Души человека
Дают мне постигнуть
Великую тайну,
Что есть Высший Разум,
Всё дивно создавший,
Всем правящий мудро.

1853

* * *

*Кое изобилие человеку во всём труде его,
им же трудится под солнцем; род переходит
и род приходит, а земля вовек стоит.
Екклесиаст 1:3-4*

С тех пор как мир наш необъятный
Из неизвестных нам начал
Образовался непонятно
И бытие своё начал,
Событий зритель величавый,
Как много видел он один
Борьбы добра и зла, и славы,
И разрушения картин!
Как много царств и поколений,
И вдохновенного труда,
И гениальных наблюдений
Похоронил он навсегда!..
И вот теперь, как и тогда,
Природа вечная сияет:
Над нею бури и года,
Как тени лёгкие, мелькают.
И между тем как человек,
Земли развенчанный владыка,
В цепях страстей кончает век
Без цели ясной и великой, -
Всё так же блещут небеса,
И стройно движутся планеты,
И яркой зеленью одеты
Непроходимые леса;
Цветут луга, поля и степи,
Моря глубокие шумят,
И гор заоблачные цепи
В снегах нетающих горят.

1853

Вечер

Когда потухший день сменяет вечер сонный,
Я оставляю мой приют уединенный
И, голову свою усталую склонив,
Задумчиво иду под тень плакучих ив.
Сажусь на берегу, и, грустной думы полный,
Недвижимый, гляжу на голубые волны,
И слушаю их шум и жалобный призыв,
И с жизнью моей я сравниваю их...
Вдали передо мной душистый луг пестреет,
Колышется трава, и желтый колос зреет,
И, тучных пажитей обильные плоды,
Стоят соломою накрытые скирды;
За гибким тростником глубокие заливы,
Как зеркала, блестят; на золотые нивы
Спускается туман прозрачною волной,
И зарево зари сияет над рекой.
И кажется мне, все какой-то дышит тайной,
И забывая я тогда свой день печальный,
С оставленным трудом без жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и в тишине молюсь.

1850

* * *

Когда закат прощальными лучами
Спокойных вод озолотит стекло,
И ляжет тень ночная над полями,
И замолчит весёлое село,

И на цветах и на траве душистой
Блеснёт роса, посланница небес,
И ткань тумана серебристой
Оденется тёмнокудрявый лес, —

С какою-то отрадой непонятной
На Божий мир я в этот час гляжу
И в тишине природы необъятной
Покой уму и сердцу нахожу;

И чужды мне земные впечатленья,
И так светло во глубине души:
Мне кажется, со мной в уединеньи
Тогда весь мир беседует в тиши.

1851

* * *

Когда один, в минуты размышленья,
С природой я беседую в тиши, —
Я верю: есть святое Провиденье
И кроткий мир для сердца и души.
И грусть свою тогда я забываю,
С своей нуждой безропотно мирюсь,
И Небесам невидимо молюсь,
И песнь пою, и слёзы проливаю...
И сладко мне! И жаль мне отдавать
На суд людской восторги вдохновений
И от толпы, как платы, ожидать
Пустых похвал иль горьких обвинений.
Глухих степей незнаемый певец,
Я нахожу в моей пустыне счастье;
Своим слезам, как площадной слепец,
Стыжусь просить холодного участия;
Печаль моя застенчиво робка, —
В родной груди скрываясь боязливо,
За песнь свою награды и венка
Не требует она самолюбиво.

1851

* * *

В синем небе плывут над полями
Облака с золотыми краями;
Чуть заметен над лесом туман,
Тёплый вечер прозрачно-румян.
Вот уж веет прохладой ночью;
Грезит колос над узкой межою;
Месяц огненным шаром встаёт,
Красным заревом лес обдаёт.
Кротко звёзд золотое сиянье,
В чистом поле покой и молчанье;
Точно в храме, стою я в тиши
И в восторге молюсь от души.

Июль 1858

Монастырь

Крестом высоким осенённый,
Вдали от сёл и городов,
Один стоишь ты, окружённый
Густыми купами дерёв.
Вокруг глубокое молчанье,
И только с шелестом листов
Однообразное журчанье
Живых сливается ручьёв,
И ветерок прохладой веет,
И тень бросают деревья,

И живописно зеленеет
Полян высокая трава.
О, как сыны твои счастливы!
В твоём безмолвии святом
Они страстей своих порывы
Смирили бдением и постом;
Их сердце отжило для мира,
Ум с суетою незнаком,
Как будто светлый ангел мира
Их осенил своим крестом,
И внемлет вечное Бог Слово,
Их тяжкий труд благословив,
Святых молитв живое слово
И гимнов сладостный призыв.

1849

В Гефсиманском саду

Темнеет, всюду тишина...
Вот ночи вспыхнули светила -
И ярко полная луна
Сад Гефсиманский озарила.
В траве, под ветвями олив
Друзья Божественного Слова,
Ерусалима шум забыв,
Спят три апостола Христовы.
Их сон спокоен и глубок;
Но тяжело спал мир суровый:
Веков наследственный порок
Его замкнул в свои оковы;
Проклятье праотцев на нем
Пятном бесславия лежало
И, с каждым веком, новым злом
Его, как язва, поражало...
Но час свободы наступал -
И, чуждый общему позору,
Посланник Бога в эту пору
Судьбу всемирную решал.
За слово истины высокой
Голгофский крест предвидел Он
И, чувством скорби возмущен,
Отцу молился одиноко...
Молитву кончив, скорби полный,
К ученикам Он подошел.
И, увидав их сон спокойный,
Сказал им: «Встаньте, час пришел;
Стряхните сон свой и молитесь,
Чтоб в искушенье вам не впасть;
Тогда вы в вере укрепитесь
И с верой встретите напасть».
Сказал - и тихо удалился

Туда, где прежде плакал Он,
И, той же скорбью возмущен,
На землю пал Он и молился...
И взор в тоске невыразимой
С небес на землю Он низвел,
И снова, скорбью томимый,
К ученикам Он подошел.
Но их смежившиеся очи
Невольный сон отягощал;
Великой тайны этой ночи
Их бедный ум не постигал.
И стал Он молча, полный муки,
Чело высокое склонил
И на груди святыя руки
В изнеможении сложил.
Что думал Он в минуты эти,
Как человек и Божий Сын,
Подъявший грех тысячелетий, -
То знал Отец Его один.
И вот опять Он удалился
Под сень смоковниц и олив,
И там, колена преклонив,
Опять Он плакал и молился...
Спокойно в выси голубой
Светил блистали мириады,
И полон сладостной прохлады
Был чистый воздух. Над землей,
Поднявшись тихо, небожитель
Летел к надзвездным высотам, -
Меж тем всемирный Искупитель
Опять пришел к ученикам.
И в это чудное мгновенье
Как был Он истинно велик,
Каким огнем одушевленья
Горел Его прекрасный лик!
Ученики, как прежде, спали;
И вновь Спаситель им сказал:
«Вставайте! Близок день печали,
И час предательства настал...»
И звук мечей остроконечных
Сад Гефсиманский пробудил,
И отблеск факелов зловещих
Лицо Иуды осветил.

Ёлка

Посвящается кн. Е. П. Долгорукой

Одиноко вырастала
Ёлка стройная в лесу, –
Холод смолоду узнала,
Часто видела грозу.

Но, покинув лес родимый,
Ёлка бедная нашла
Уголок гостеприимный,
Новой жизнью зацвела.
Вся огнями осветилась,
В серебро вся убралась,
Словно вновь она родилась,
В лучший мир перенеслась.
Дети нужды и печали!
Точно ёлку, вас, сирот,
Матерински приласкали
И укрыли от невзгод.
Обогрели, приютили,
Свят и светел ваш приют,
Здесь вас рано научили
Полюбить добро и труд.
И добра живое семя
Не на камень упадёт:
Даст Господь, оно во время
Плод сторичный принесёт.
Начат сев во имя Бога.
Подрастайте, в добрый час!
Жизни тесная дорога
Пораздвинется для вас.
Но невзгода ль вас застанет
На пути, или порок
Сети хитрые расставит —
Детства помните урок.
Для борьбы дана вам сила;
Не родное по крови,
Вам свет истины открыло
Сердце, полное любви.
И о нём воспоминанье
Да хранит вас в дни тревог,
В пору счастья и страданья,
Как добра святой залог.

Январь 1855

* * *

Не отравляй минут успокоенья
Болезненным предчувствием утрат:
Таинственно небес определенье,
Но их закон ненарушимо свят!
И если бы от самой колыбели
Страдание досталось тебе, -
Как человек, своей высокой цели
Не забывай в мучительной борьбе.

* * *

Присутствие непостижимой силы
Таинственно скрывается во всем:
Есть мысль и жизнь в безмолвии ночном,
И в блеске дня, и в тишине могилы,
В движении бесчисленных миров,
В торжественном покое океана,
И в сумраке задумчивых лесов,
И в ужасе степного урагана,
В дыхании прохладном ветерка,
И в шелесте листьев перед зарею,
И в красоте пустынного цветка,
И в ручейке, текущем под горою.

1849

* * *

Суровый холод жизни строгой
Спокойно я переношу
И у Небес дороги новой
В часы молитвы не прошу.
Отраду тайную находит
И в самой грусти гордый ум.
Так часто моря стон и шум
Нас в восхищение приводит.
К борьбе с судьбою я привык,
Окреп под бурей искушений:
Она высоких дум родник,
Причина слез и вдохновений.

1852

Тишина ночи

В глубине бездонной,
Полны чудных сил,
Идут миллионы
Вековых светил.

Тускло освещённый
Бледною луной,
Город утомлённый
Смолк во тьме ночной.

Спит он; очарован
Чудной тишиной,
Будто заколдован
Властью неземной.

Лишь, объят дремотой,
Закричит порой
Сторож беззаботный
В улице пустой.

Кажется, мир сонный,
Полный сладких грёз,
Отдохнул спокойно
От забот и слёз.

Но взгляни: вот домик
Освещён огнём;
На столе покойник
Ждёт могилы в нём.

Он, бедняк голодный,
Утешенья чужд,
Кончил век бесплодный
Тайной жертвой нужд.

Дочери не спится,
В уголке сидит...
И в глазах мутится,
И в ушах звенит.

Ночь минёт — быть может,
Христа ради ей
Кто-нибудь поможет
Из чужих людей.

Может быть, как нищей,
Ей на гроб дадут,
В гробе на кладбище
Старика снесут...

И никто не знает,
Что в немой тоске
Сирота рыдает
В тесном уголке;

Что в нужде до срока,
Может быть, она
Жертвою порока
Умереть должна.

Мир заснул... и только
С неба видит Бог
Тайны жизни горькой
И людских тревог.